

**„ЧИТАЛ ОХОТНО АПУЛЕЯ...”:
РИТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Розглядаються архетипічні мотиви в романі „Євгеній Онегін”. Особлива увага приділяється семантиці образу Тетяни Ларіної.

Ключові слова: „Євгеній Онегін”, еманация божества, оведмежування, „ритуальна реальність”.

Строки „Читал охотно Апулея, // А Цицерона не читал” мы помним со школьных лет. Однако почему именно Апулея, почему лицеист, которого готовили как будущего чиновника, причем высокого ранга, отдавал предпочтение такому „эротическому” роману, как „Золотой осел”? Как отмечает С.В. Полякова: „За внешней фабульной (занимательной) оболочкой таится более глубокий, символический смысл повествования о человеческих заблуждениях, вызванных ими страданиях, выходе из них и приобщении к более высоким формам жизни” [11, с. 119]. Действительно, превращение Луция в осла на сакральном языке мифа означало инициационный обряд, пройдя который, он только и мог „дорости до самого себя”, до своего имени („солнечный”). Исследователи давно заметили, что покровительницей Луция, его постоянной спутницей является Артемида, одна из ипостасей которой – медведица. Все эти пункты важны для истинного понимания пушкинского текста.

„В событийно-романный ряд, – пишет Т.В. Саськова, – включается череда перекликающихся эпизодов дионисийского плана, сочетающихся с „медвежьим” мотивом: разбойник, зашитый в медвежью шкуру и растерзанный собаками; угроза разбойников выпотрошить осла и зашить в его шкуру хариту (с акцентом в обыгрывании оппозиции внешнего/внутреннего); гибель доблестного Тлеполема в схватке с кабаном, предрешенная временным предательством Тлеполема (с ориентацией на мифосюжет об Адонисе и Венере); растерзание злого мальчишки медведицей” [13, с. 128].

В этой связи обращает на себя особое внимание семантика „сна Татьяны”, занимающего в структуре романа „Евгений Онегин” особое место. В известном комментарии Ю.М. Лотмана мы находим следующее толкование: „Медведь – прообраз будущего жениха Татьяны, а переход через реку означает судьбу” [9, с. 270].

Об этом же пишет и В.М. Маркович [10]. Казалось бы, вопрос об интерпретации исчерпан. Это сделано большими и серьезными учеными основательно и корректно, вошло, повторяю, в комментарии, учебные пособия. И все же при всем уважении к имени Ю.М. Лотмана, его

достижениям в области пушкинистики, трудно согласиться именно с такой интерпретацией сна.

У Пушкина отношение к фольклору гораздо сложнее: он не просто „послушно” следует его образной системе, но спорит с ней, трансформирует, создает нечто принципиально новое.

Как мы помним, медведь кладет Татьяну *на порог* лесного дома, причем говорит: „Здесь мой кум // Погрейся у него немножко” (тут и далее курсив в цитатах мой. – В.С.) [12, т. 5, с. 186].

В этой связи уместен вопрос: а что это за „жених” такой, почему он „отдает” невесту другому? Да и с какой стати Онегин ему „кум”?

Как известно, порог семантически значим. Это всегда граница между „своим” (освоенным пространством) и „чужим” (неосвоенным) [3, с. 220]. Для нас же в этой связи особый интерес представляет обряд, называемый „родинами”. В них перенесение через порог и означает приобщение *новорожденного* к дому.

Так, в украинских крестильных обрядах происходит следующее: „После крещения дитя приносится в дом родителей также *кумой*; она кладет его *на порог* хаты, откуда берет на руки *кум* и, передавая матери, говорит: „Брали у вас дитя нарощенно, а отдаем молитвенно крещенно” [14, с. 47].

В русских инвариантах этого обряда мы встречаемся с очень близкими описаниями: „Когда младенца приносят из церкви, кладут на несколько минут на порог избы, чтобы освятить младенца через порог” [14, с. 49].

Во сне Татьяны, как мы помним, во главе демонов-чудовищ – Онегин, а сам „шалаш убогий” – по сути разбойничий дом. Устойчивой приметой такого дома является отсутствие икон:

Вошли толпой, не поклоняясь,
Икон не замечая,
За стол садятся не молясь
И шапок не снимая.
(„Жених”)

С такой же „атрибутикой” разбойничьего дома мы встречаемся и в „Капитанской дочке”. В „Лесной избушке”, „разбойничьем доме” и происходит временная смерть/новорождение, то есть приобщение к сакральным знаниям.

Вот почему свадьба ассоциируется с похоронами:

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сених;
За дверью крики, звон стакана,
Как на больших похоронах.

...

И что же видит? За столом
Сидят чудовища кругом.

...

Онегин за столом сидит
И в дверь украдкою глядит.

Он знак подаст – и все хлопочут,
Он пьет – все пьют и все кричат [12, т. 5, с. 131].

Итак, именно во сне Татьяна открывает суть Онегина, его бесовское начало, сон, безусловно, носит вещий, провидческий характер, в нем она видит место будущей дуэли Онегина и Ленского („Вот мельница вприсядку пляшет // И крыльями трещит и машет”) да и саму дуэль („...свет блеснул; // и дико он очами водит”).

Мы обращаем особое внимание на описание чудовищ (аналогов ему нет в славянской демонологии), скорее всего это знаменитое „капричиос” Ф. Гойи, его „Сон разума перед чудовищами”, да и само сочетание: „...череп на гусиной шее вертится в красном колпаке”, по сути, это ассоциации, непосредственно связанные с „Арзамасом”.

Достаточно вспомнить шуточный протокол (22 сентября 1815 года): „Каждый смотрел на принадлежащую ему бумагу глазами любовника. Казалось, что он подписывал контракт с судьбой, которая в новом Арзамасе предлагала ему все лучшие блага жизни: дружбу верных товарищей на всю жизнь, жареного гуся один раз в неделю, твердость духа в изгнании, *красный колпак*, сладкую вражду Беседы и пр.” [2, с. 85].

Примечательно, что „провинившимся” арзамасцам (не шутившим во время заседания общества) надевали „белый колпак”. Как отмечал Ю.М. Лотман: „Приобщение к свободолобию мыслилось именно как праздник, а в пире и даже оргии виделась реализация вольности. Примером может служить бытовое поведение Толстого-арзамасца” [8, с. 126- 127].

Исследователи неоднократно писали о близости/разности автора и Онегина. Полемизируя с В.С. Непомнящим, Г.Г. Красухин, в частности, отмечает: „Уже через двенадцать строф автору потребуется особо оговорить „разность // между Онегиным и мной”. Потому что был момент в жизни автора, когда он сам не очень чувствовал разность. Ведь не о „добром приятельстве” с Онегиным идет речь в XIV строфе первой лавы, а о том, что „с ним подружился я” [6, с. 32].

Речь, конечно же, идет о духовном росте Пушкина, его мужанин, об „отказе” от себя вчерашнего. И катализатором, с нашей точки зрения, является и провидческий „сон Татьяны”, в котором, безусловно, нашли отражение знания античной и славянской мифологии самого поэта.

Это и спор с Байроном, его поэтической системой, о которой писал в свое время В.М. Жирмунский, преодоление эгоцентричности, собственного демонизма [5, с. 13-14]. Г.Г. Красухин видит в этом „прорыве” к своему истинному „я”, становлении личности своеобразное эпическое начало, а сам большой эпический мир обозначает как „преданья русского семейства”, „нравы нашей старины”, как органический синтез лирического и эпического начал [6, с. 32].

Это „лирическое начало” имеет самое непосредственное отношение к „анабасису” Онегина, его путешествию в Одессу, где он встречается с автором романа.

Не случайно в черновых вариантах „Путешествия Онегина” Пушкин так ироничен по отношению к своему герою: „Наскуча или слыть

Мельмотом, // Иль маской щеголять иной, // Проснулся раз он патриотом //
Дождливой скучною порой. // Россия, господа, мгновенно // Ему
понравилась отменно, // И решено. Уж он влюблен, // Уж Русью только
бредит он, // Уж он Европу ненавидит” [12, т. 5, с. 307].

Такое мгновенное „перерождение” явно недорого стоит. Однако сам маршрут через Новгород Великий, по Волге (с её „гордыми берегами”), на Кавказ, через Понт Эвксинский в Одессу – это, безусловно, и познание России и её истории, начиная с раннего Средневековья, возможность её познания, понимания „духовными очами”.

Такое же открытие, разумеется, должен был сделать и вдумчивый читатель. Весьма примечателен конец этого путешествия: „Довольно мы путем *одним* // Бродили по свету. Поздравим // Друг друга с берегом. Ура!”

Так что же это за „земля”, которую открывает автор и его герой в результате такого длительного путешествия?

Символическим олицетворением её, как это не покажется странным, является Татьяна Ларина, по определению А.С. Пушкина „*Богиня царственной Невы*”. Как известно, у всякой земли границей является река, а „испить шеломом Дону великого”, как мы помним, означает в „Слове о полку Игореве” ритуальный брак, покорение/познание „земли”.

В самом деле, как эта обычная провинциальная барышня становится хозяйкой петербургского салона? Ближайшей параллелью такого превращения в грозную повелительницу стихий из вчерашней бедной девушки, брошенной своим возлюбленным, очевидно, является главная героиня пушкинской „Русалки”.

Примечательно, что в черновых вариантах мамка говорит княгине:

Ты всем-то взяла, всем-то хороша:

Лица красотой, умом-разумом,

Лебединой походочкой,

Соловьёиной поговорочкой,

Тихим ласковым обычаем [12, т. 5, с. 396].

...

Ты всем взяла: и светлой красотой,

Обычаем веселым и смиренным... [12, т. 5, с. 402].

Этот „тихий ласковый обычай”, который так привлекает к Татьяне всех окружающих („К ней дамы подходили ближе, // Старушки улыбались ей, // Мужчины кланялись ниже, // Ловили взор её очей; // Девицы подходили *тише*”).

Именно „свычай и обычай” являются доминантой в характере Татьяны:

Она была нетороплива,

Не холодна, не говорлива,

Без взора наглого для всех,

Без притязаний на успех,

Без этих маленьких ужимок,

Без подражательных затей.

Всё тихо, просто было в ней [12, т. 5, с. 240].

Органическое сочетание величавости и простоты потому так и поражает Онегина: „Ужели, – думает Евгений, – // Ужель она? Нет, точно... нет... // Как! Из глуши степных селений...”

К загадке такого „чудесного превращения” неоднократно будут обращаться критики и литературоведы. В своей сравнительно недавней работе „Татьяна в кабинете Онегина” И.Л. Альми очень точно и остроумно вскрыла сам механизм психологической аберрации: „С легкой руки Белинского до сих пор в научной литературе и популярной пушкинистике упорно держится мнение о том, что Татьяна только благодаря посещению усадьбы Онегина и чтению его книг так „образовалась” [1, с. 66]. На самом деле, справедливо указывает исследовательница, таких посещений было всего *два*, да и не в публичную же библиотеку она ходила.

Конечно, очень трудно представить себе ситуацию, когда в *реальном* дворянском быту девушка *в лунную ночь*, одна, отправляется в дом к молодому мужчине. При всей простоте деревенских нравов вряд ли что-либо подобное было возможно. А между тем „в поле чистом // Луны при свете серебристом” идет она к усадьбе Онегина, „сквозь сумрак лунный” видит впервые его кабинет.

Повторяю, Пушкин акцентирует внимание читателя на сакральности знаний Татьяны, другое дело, что „просветительская”, позитивистская точка зрения возобладала и во многом определила восприятие образа Татьяны на многие годы [4, с. 37]. (Примечателен в этом отношении пассаж такого тонкого и проницательного критика, впервые в нашей стране сопоставившего сны в творчестве Пушкина: „Пушкин, страшно сказать, ненавидит просвещение и науку”. Быть может, несколько иначе понимает их, достаточно вспомнить его фразу о сказках в письме к брату).

Ю.В. Лебедев, в частности, отмечает: „Духовные глаза” Онегина наконец-то приоткрываются от внешних впечатлений, от мало помогающих ему книг, в которых запечатлелась далекая от русской почвы чужая мудрость, он обращается к глубинам собственного сердца. И там, в темных, не проясненных для него лабиринтах, начинают блуждать спасительные, манящие огни. <...> Вот эти русские глубины дремлющей онегинской души, которые он начинает обнаруживать в себе, как раз и выводят его к Татьяне, которую он не понял, не оценил тогда и которую тщетно пытается понять сейчас” [7, с. 136].

Как мы помним, Тезея из лабиринта выводит нить Ариадны, и перед нами „великая мистерия”; неслучайно Онегин в момент последнего свидания стоит „как громом пораженный”. Его преображение, возрастание до „самого себя” обусловлено переходом от экзотерических знаний (профанных по своей сути) к эзотерическим, приобщением к универсуму. Этим и объясняется „открытость” финала романа, его „незаконченность”. Думающий читатель должен сам прийти к необходимым выводам, чем и обусловлено „возрастание личности”, её становление. Одним словом, у каждого своя Изида, своя Ариадна. Или же – своя Татьяна.

1. Арзамас и арзамасские протоколы ; [вводная статья, ред. протоколов и примеч. к ним М.С. Боровковой-Майковой ; предисл. Д. Благого]. – Л. : Изд-во писателей, 1933. – 302 с.
2. *Альми И.Л.* Татьяна в кабинете Онегина / Инна Львовна Альми // Альми И.Л. Статьи о поэзии и прозе. – Владимир : Изд-во ВГПУ, 1998. – Кн. 1.
3. *Байбурин А.К.* К описанию структуры славянского строительного ритуала / Альберт Кашфуллович Байбурин // Текст: семантика и структура : [сб. статей]. – М. : Наука, 1983. – С. 206-227.
4. *Гершензон М.О.* Мудрость Пушкина / Михаил Осипович Гершензон. – М. : Книгоиздательство писателей, 1919.
5. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин / Виктор Максимович Жирмунский. – Л. : Наука, 1978. – 422 с.
6. *Красухин Г.Г.* Покой и воля : некоторые проблемы пушкинского творчества / Геннадий Григорьевич Красухин. – М. : Современник, 1987. – 269 с.
7. *Лебедев Ю.В.* „Даль свободного романа” А.С. Пушкина Евгений Онегин” / Ю.В. Лебедев // Потаенная литература. Исследования и материалы. – Иваново : Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2000.
8. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX вв. / Юрий Михайлович Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.
9. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина „Евгений Онегин” / Юрий Махайлович Лотман. – М., 1984.
10. *Маркович В.М.* Сон Татьяны в поэтической структуре „Евгения Онегина” / В.М. Маркович // Болдинские чтения. – Горький, 1980. – С. 25-47; Он же. О мифологическом подтексте сна Татьяны // Болдинские чтения. – Горький, 1981. – С. 69-81.
11. *Полякова С.В.* „Метаморфозы”, или „Золотой осел” Апулея / С.В. Полякова. – М. : Наука, 1988. – 150 с.
12. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Александр Сергеевич Пушкин – М. : Наука, 1956-1962.
13. *Саськова Т.В.* Пастораль в русской поэзии XVIII века. / Т.В. Саськова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 320 с.
14. *Цивьян Т.В.* К семантике дома в балканских загадках / Т.В. Цивьян // Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1974.

Аннотация

Рассматриваются архетипические мотивы в романе „Евгений Онегин”. Особое внимание уделяется семантике образа Татьяны Лариной.

Ключевые слова: *эманация божества, омедвеживание, „ритуальная реальность”.*

Summary

The article is devoted to analysis of the archetypical motives of Pushkin's „Evgeny Onegin”: particular attention gives to semantics of Tatyana Larina's image.

Key words: „Evgeniy Onegin”, emanation of deity, „sacral reality”.